

АНТИНОМИИ ГЛАВЫ «ПОП» В ПОЭМЕ Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»*

Ольга Богданова

доктор филологических наук, профессор, Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена, РОССИЯ

Сергей Некрасов

доктор филологических наук, профессор, директор Всероссийского музея
А. С. Пушкина (филиал Мемориальный музей-квартира Н. А. Некрасова),
РОССИЯ

DOI 10.25128/2304-1222.19.49.02

The article analyzes the poem by N.A. Nekrasov "To whom in Russia live well", its first chapters – "Pop". In the course of the analysis, the authors compare the canonical text of the chapter "Pop" with draft manuscripts, notes, additions to show how radically changed the point of view of Nekrasov on the depicted character. The work shows that the basis of the first version of the image of the priest (pop) was not folklore, as is traditionally considered, but mainly the legendary letter of V.G. Belinsky to Gogol, which when compared with the text of the Nekrasov's poem reveals a literal (literalist) similarity. However, as shown in the work, a stable and independent point of view on the created image of pop Nekrasov had not, he was under the influence of one ideological associate, then another. Thus, the article demonstrates that the final image of pop was formed under the influence of another idol, N.A. Dobrolyubov, "popov's son", who helped Nekrasov correct the final character of the hero of the chapter "Pop". The article concludes that the early pseudonym of Nekrasov – Perepel'sky – and in the work on "To whom in Russia to live well" continues to be invisibly present and finds its semantic motivation.

Key words: *Russian literature of XIX century, N.A. Nekrasov, the poem "To whom in Russia to live well", the author's position, ideological dualism, axiological instability.*

У статті аналізується поема Н.А. Некрасова «Кому на Русі жити добре», зокрема глава «Піп». У ході аналізу зіставляється канонічний текст глави з чорновими рукописами і нотатками, щоб показати, як кардинально змінювалася точка зору Некрасова на головний персонаж. Установлено, що основою першого варіанту образу попа в розділі став не фольклор, як прийнято вважати, а легендарний лист В.Г. Белінського до Н.В. Гоголю, яке при зіставленні з текстом некрасовської поеми виявляє буквальну (буквалістську) схожість. Проте, на думку авторів статті, стійкої і самостійної точки зору на створюваний образ попа у Некрасова не було. У статті продемонстровано, що остаточний образ попа склався під впливом уже іншого кумира, Н.А. Добролюбова, «попівського сина», який, як видно з тексту, допоміг Некрасову скорегувати остаточний характер героя розділу «Піп». Автори

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00272 «Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей».

статті доходять висновку, що ранній псевдонім Некрасова – Перепельский – і в роботі над «Кому на Русі жити добре» продовжував незримо бути присутнім і знаходити своє семантичне підтвердження.

Ключові слова: російська література XIX століття, М.О. Некрасов, поема «Кому на Русі жити добре», авторська позиція, ідейні антиномії, аксіологічна нестійкість.

Artykuł analizuje poemat N. Niekrasowa *Komu się na Rusi dobrze dzieje*, w szczególności rozdział “Pop”. Analiza porównuje kanoniczny tekst rozdziału z rękopisami i notatkami, aby ukazać, jak radykalnie zmienił się pogląd Niekrasowa na tytułową postać. Ustalono, że podstawą pierwszego wariantu wizerunku Popa w rozdziale nie był folklor, jak się powszechnie uważa, ale legendarny list W. Bielinskiego do N. Gogola, który w porównaniu z tekstem niekrasowskiego poematu ujawnia dosłowne (identyczne) podobieństwo. Jednak w myśl autorów artykułu nie było stabilnego i niezależnego punktu widzenia na tworzony obraz Popa Niekrasowa. Artykuł wykazał, że ostateczny obraz Popa powstał pod wpływem innego idola, N. Dobrolubowa, “syna Popa”, który, jak widać w tekście, pomógł Niekrasowu skorygować ostateczną postać bohatera rozdziału “Pop”. Stwierdza się, że wczesny pseudonim Niekrasowa – Perepelski – w pracy nad *Komu się na Rusi dobrze dzieje* nadal był zaznaczał swoją obecność i odnajdywał swoje semantyczne potwierdzenie.

Słowa kluczowe: literatura rosyjska XIX wieku, N. Niekrasow, poemat *Komu się na Rusi dobrze dzieje*, pozycja autorska, antynomia ideowa, niestabilność aksjologiczna.

Актуальность исследования

Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877), созданная уже более полутора веков назад, многоаспектно изученная и проанализированная, как ни странно, до настоящего времени приоткрывает сокрытые ракурсы исследования, дает материал для новых научных изысканий.

Постановка проблемы

Названная «эпопеей современной крестьянской жизни» [Некрасов 1982: 601], поэма Некрасова, кажется, емко и многогранно охватывает все стороны российской действительности пореформенной поры. Между тем возникает сомнение: действительно ли поэтическое творение Некрасова обретает размах эпический и не просматривается ли в нем отчетливая демотическая тенденциозность? Не выглядит ли изображение российской действительности односторонним¹ и необъективным,

¹ Об «однобокости» изображения российской действительности («преимущественно “ненарядной” ее стороны») исследователи говорили неоднократно (см. работы В. А. Кошелева [Кошелев 1999],

тенденциозным и дихотомичным? Именно эта проблема и ставится в центр проводимого исследования.

Методология

В основе анализа поэмы лежит синтез основополагающих методов и принципов научного исследования, среди которых историко-типологический, сравнительно-сопоставительный, биографический, формально-структурный принципы и подходы в их тесной взаимосвязи и дополнительности.

Аналитическая часть

С одной стороны, замысел поэмы Некрасова, в которой герои-странники отправляются в дальнейшее путешествие в поисках ответа на вопрос «Кому живется счастливо, вольготно на Руси?», несомненно, масштабен и уже в исходной интенции эпичен. Главный вопрос, который ставят перед собой герои, обширен и всеобщ: *кому...* Между тем сразу возникает дилемма: почему пытливыми персонажами, ищущими истину, у Некрасова оказываются крестьяне, герои малоопытные, необразованные, как определено в самой поэме – далеко не умные. Например, о Луке: «Лука – мужик присадистый / С широкой бородищею, / Упрям, речист и *глуп*» [Некрасов 1982: 17]. И позже о нем же – «дубина деревенская» [там же: 25].

Социальный статус героев существенно локализует (сужает) эпический ракурс поэтического обозрения, тем более что центральные персонажи поэмы оказываются выходцами из бедных и скудных деревень – «Подтянутой губернии, / Уезда Терпигорева, / Пустопорожней волости, / Из смежных деревень: / Заплатава, Дырявина, / Разутова, Знобишина, / Горелова, Неелова – / Неурожайка тож» [там же: 5]. Ономазиологически значимые – «говорящие» – имена сёл заставляют предположить, что представление о счастье «крестьян-лапотников» [там же: 16] сконцентрировано вокруг проблем житейского достатка, а точнее *богатства*, или «*богачества*» [там же: 22], как звучит в поэме. Неслучайно, желая знать, кому живется счастливо на Руси, герои-крестьяне сразу и уверенно называют

Л. А. Евстигнеевой [Евстигнеева 1971], Ю. И. Красносельской [Красносельская 2016] и др.), но, как правило, опускали аксиологическую составляющую этого наблюдения.

представителей состоятельных слоев общества – «Роман сказал: помещику, / Демьян сказал: чиновнику, / Лука сказал: попу. / Купчине толстопузому! – / Сказали братья Губины, / Иван и Митродор. / Старик Пахом потужился / И молвил, в землю гляючи: / Вельможному боярину, / Министру государеву. / А Пров сказал: царю...» [там же: 5]. Задуманная и создаваемая в первые годы после отмены крепостного права поэма о народной жизни оказывается исходно ориентирована на господ, а не на крестьян, только что получивших волю, хотя применительно к последним именно таковая установка – «живется *вольно/вольготно*» – была бы эпична по размаху. То есть философский вопрос «кому живется счастливо...», масштабно заявленный на титульном уровне, уже на этапе завязки поэмы стремительно сворачивается в тенденциозный ракурс, ориентированный на социальное неравенство: крестьяне ↔ господа. Народ, только что получивший долгожданную свободу, исходно оказывается вне пределов авторского поэтического исследования, его герои из низов а priori признаются несчастными.

Условность и раздифференцированность сюжетной установки вскоре обостряется парадоксом – из текста поэмы становится ясно, что на самом деле герои-странники – не бедняки, а вполне зажиточные крестьяне, «мужики степенные» [там же: 17]. Повествователь сообщает о героях, что «По делу всяк по своему / До полдня вышел из дому: / Тот путь держал до кузницы, / Тот шел в село Иваньково / Позвать отца Прокофия / Ребенка окрестить. / Пахом соты медовые / Нес на базар в Великое, / А два братана Губины / Так просто с недоуздочком / Ловить коня упрямого / В свое же стадо шли» [там же: 6]. Иными словами, у каждого из персонажей есть собственный достаток, будь то пасека Пахома, дающая мед, несомый на базар, или «свое же» лошадиное стадо братьев Губиных. У кого-то из них есть дела в кузнице, кого-то заботит празднество крещения. И если так обстоят дела в деревнях Заплатове, Дырявине, Разутове, Знобишине, Горелове, Неелове и Неурожайке, то, можно предположить, в селах Иваньково, Великое, Кузьминское, куда направляются странники, дела должны идти еще лучше.

По ходу сюжетного развития отойдя от своих деревень «верст <на> тридцать» [там же: 7], спорящие крестьяне-герои «сваливают» собственную оплошность «на лешего» [там же] и устраиваются на ночлег в лесу. Примечательно, что и в данной ситуации герои не голодают и не бедствуют: «Зажгли костер, сложилися, / За

водкой двое сбегали, / А прочие покудова / Стаканчик изготовили, / Бересты понадрав» [там же]. И уже вскоре: «Приспела <...> водочка, / Приспела и закусочка – / Пируют мужички!» [там же]. В подобной ситуации назвать героев несчастными вряд ли представляется возможным, особенно на фоне того, что вскоре они сказочным образом обретут скатерть-самобранку и будут благополучно и счастливо – без забот о еде и «одеже» [там же: 13], без дум о работе и семье – продолжать свое бесконечное (в прямом смысле – *неоконченное*) странствие.

Созданная в ориентации на устное народное поэтическое творчество, густо пронизанная устойчивыми мотивами, поэма Некрасова сочетает в себе собственно литературные и фольклорные стратегии, совмещает приемы художественной литературы и народного творчества. И – в традиции фольклорной и литературной – первая глава, где крестьяне-странники встречаются с одним из претендентов на звание счастливца – с попом, открывается пейзажем, картиной русских просторов. «Широкая дороженька, / Березками обставлена, / Далеко протянулася, / Песчана и глуха. / По сторонам дороженьки / Идут холмы пологие / С полями, с сенокосами...» [там же: 15].

Время, которое изображает Некрасов, – весна: «подходит месяц май» [там же: 16]. Традиционно лексемы «весна» и «май» появляются в литературе (и в фольклоре) в контексте мотивов, связанных с пробуждением природы, оживлением жизни, с ожиданием начала счастливой солнечной поры. Однако Некрасов «нарушает» традицию и, согласно своему «горестному» замыслу, прием природно-психологического параллелизма использует для нагнетания бедственной атмосферы, создает пейзаж убогий, холодный, печальный. «Но вы, поля весенние! / На ваши всходы бедные / Невесело глядеть! / <...> / Поля совсем затоплены, / Навоз возить – дороги нет...» [там же]. Очевидно, что столь неприветливой могла быть весна в год путешествия героев. Однако Некрасов не ограничивается печальным зрелищем природных явлений, воли Божией – на его героев наводит грустные мысли и вид крестьянских строений. «Нелюбо и на старые, / Больней того на новые / Деревни им глядеть. / Ой избы, избы новые! / Нарядны вы, да строит вас / Не лишняя копеечка, / А кровная беда!..» [там же].

Понятна печаль лирического повествователя-нарратора, лицезреющего убогие и покосившиеся домишки гоголевских поместий Манилова или Плюшкина.

Отчего же так нелюбо и больно смотреть некрасовским персонажам на новые нарядные дома и деревни? Зачем Некрасов столь однозначно связывает появление новых изб с пожаром или иным бедствием? См. в одном из вариантов текста: «Ой вы! пожары лютые / Что вы пустили на вет<ер> / Крестьянского труда...» [там же: 259]. Но очевидно, что Некрасову важна тенденция – он исходно намерен показать убогость и нищету жизни русского крестьянина, и потому повествователь и герои безапелляционно отмечают иную мотивацию нарядности и новизны деревень, не иначе как по причине пожара или иного несчастья. Именно на таком фоне выразительнее и пропагандичнее могла быть выписана и акцентирована встреча героев-странников со священником, у которого в хоромах, по словам Луки, «малина – не житье»: «Попы живут по-княжески. / Идут под небо самое / Поповы терема, / Гудит попова вотчина – / Колокола горластые – / На целый божий мир. / <...> / Попова каша – с маслицем, / Попов пирог – с начинкою, / Поповы щи – с сметком! / Жена попова толстая, / Попова дочка белая, / Попова лошадь жирная, / Пчела попова сытая, / Как колокол гудет!» [там же: 25–26]. Антитеза «народ ↔ поп» формируется Некрасовым исходно.

Как известно, главу «Поп» писатель перерабатывал несколько раз. В комментарии к главе в Собрании сочинений Некрасова значится: «При доработке главы из прежней рукописи был вынут двойной лист с началом текста и заменен двумя вставочными листами. При этом в характеристике попа добавлены строки, подчеркнувшие его совесть, озабоченность крестьянскими нуждами и непричастность к взяткам с раскольников. В рассказе попа исключен отрывок, в котором он сетовал на упадок религиозного чувства в народе и отсутствие “рвения” к православию» [там же: 621]. Если воспользоваться приемом «обратного хода», то можно «реконструировать» первоначальный вариант главы. В ней (как очевидно) поп был без совести, не был озабочен крестьянскими нуждами, был причастен к взяткам с раскольников, сетовал на упадок религиозного чувства в народе. В подобной интерпретации образ попа выглядел сатирически-лубочным, сниженным – зловещим, лукавым, безнравственным и бесчестным. Едва ли не в духе желчных сатир М. Е. Салтыкова-Щедрина. Однако либо собственное творческое чувство меры Некрасова, либо советы первых слушателей главы, посвященной счастью

церковнослужителя, приводят к тому, что глава «Поп» перерабатывается, и образ святого отца получает иные коннотации.

Поп первым среди героев поэмы «Кому на Руси жить хорошо» отчетливо формулирует представление о счастье, каким видит его сам и каковым счастье представляется мужикам: «– В чем счастье, по-вашему? / *Покой, богатство, честь* – / Не так ли, други милые? – / Они <крестьяне> сказали: “Так”» [там же: 19, выд. нами. – О. Б., С. Н.]. Формула счастья выведена, и она кажется абсолютной – принимается представителями разных социальных слоев (условно – счастливых и несчастных). Однако из рассказа попа становится очевидным, что покоя у «счастливого» героя нет: «Болящий, умирающий, / Рождающийся в мир / Не избирают времени: / В жнитво и в сенокос, / В глухую ночь осеннюю, / Зимой, в морозы лютые, / И в половодье вешнее – / Иди – куда зовут!» [там же].

Можно было бы снисходительно-недоверчиво отнестись к этим жалобам священника на трудности и непокой, однако сходные сетования обнаруживает и переписка (откровенные признания в частных письмах) абсолютно авторитетного врача и писателя – А. П. Чехова. Доктор Чехов (как известно, профессии священника и врача в чем-то близки) в период разгула эпидемии холеры в центральной России писал своему другу и издателю А. С. Суворину в Петербург: «Я одинок, ибо <...> работа, требующая постоянных разъездов, разговоров и мелких хлопот, утомительна для меня...» (1 августа 1892 г. [Чехов 1979]). В следующем письме он снова признавался: «Душа моя утомлена. <...> Не принадлежать себе, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота, ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни и к тем людям, которым служишь, – это, сударь мой, такая крошка, от которой не поздоровится» (16 августа 1892 г. [Чехов 1979]). Вряд ли можно всерьез упрекнуть Чехова в равнодушии к больным и нуждающимся, к *человеку*, но и ему (самоотверженному врачу и тонкому писателю-психологу) не были чужды усталость и раздражение, тоска и даже злость на постоянный непокой, требующий немедленного выезда «куда зовут».

Более того, «переработанный» некрасовский поп, герой второй редакции главы, привносит в свой рассказ моральную составляющую – с усталости

физической перенося акцент на «боль душевную»: «Не верьте, православные, / <...> / Нет сердца, выносящего / Без некоего трепета / Предсмертное хрипение, / Надгробное рыдание, / Сиротскую печаль!» [Некрасов 1982: 20].

Не менее пронзительно звучит и рассказ священника о том, как он вынужден брать крестьянские медяки за требу: «Страшна семья крестьянская / В тот час, как ей приходится / Кормилца потерять! / Напутствуешь усопшего / И поддержать в оставшихся / По мере сил стараешься / Дух бодр! А тут к тебе / Старуха, мать покойника, / Глядь, тянется с костлявою, / Мозолистой рукой. / Душа переверотится, / Как звякнут в этой рученьке / Два медных пятака!..» [там же: 25]. Рассказчик делает акцент на нравственном аспекте службы – «душа переверотится...»

Процитированные слова укрепляют в сочувствии к доле попа, актуализируют в его образе человеческие, нравственные слагаемые. Тем более несправедливыми и скабрёзными выглядят обвинения (шутки?), которыми сопровождает попов простой народ. «← Скажите, православные, / Кого вы называете / Породой жеребьячьей? / <...> / – С кем встречи вы боитесь, / Идя путем-дорогою? / <...> / – О ком слагаете / Вы сказки балагурные, / И песни непристойные, / И всякую хулу?.. / <...> / Кому вдогон, как мерину, / Кричите: го-го-го?..» [там же: 20–21].

Счастье «почета», который должен был заслужи(ва)ть священник, оказывается дискредитированным. И, кажется, Некрасов в подобном отношении к попам опирается на фольклор, на народно-поэтическое творчество, на сатирические сказки и балаганные вертепы, немилосердно осмеивающие жадных, хитрых, завистливых и глупых церковнослужителей. Даже само слово «поп», используемое Некрасовым в тексте поэмы, имеет очевидную эмоционально-стилевую окраску, выполняет функцию не столько номинативную, сколько оценочную: именно так именуют священников в сатирических народных сказках, прибаутках, пословицах и поговорках. Заметим, что в одном из ранних вариантов главы *поп* у Некрасова назывался *священником*. Но в окончательном варианте произошла замена: «Каков покой [*священнику?*] / Каков покой *попу?*» [там же: 261, строки 544а и 544б]. При этом в окончательном тексте герои-путники, непосредственно обращаясь к попу, используют (кажется) уважительную форму диалогического общения: персонажи-странники обращаются к нему «честной

отец» [там же: 18]. Обратим внимание, не «*святой* отец», что было бы более традиционным и каноничным, но «честной», используя эпитет фразеологически прочно прикрепленный к другому слову – честной народ. Подобная характеристическая переподстановка семантически значима – Некрасов намеренно отказывается от почтительной формы обращения к священнику, настойчиво отдаваясь вырисовываемой тенденции.

Среди народных сказок (в том числе в сборнике А. Н. Афанасьева, 1855–1863) действительно можно найти много примеров негативной аксиологии в отношении к служителям церкви. Уже только по названиям сказок легко констатировать негативный ракурс отношения простого народа к попам: «Жадный поп», «Как поп быка украл», «Как поп работников морил», «Поп теленка родил» и мн. др. Однако наблюдения показывают, что образ попа в первоначальном варианте поэмы Некрасова был спровоцирован не фольклорными текстами Даля или Афанасьева, но непосредственно вырос из мнения учителя и наставника поэта – В. Г. Белинского. Надо полагать, что в течение долгого времени выполняя обязанности секретаря «неистового Виссариона», Некрасов должен был хорошо усвоить суждения критика, детально знать и помнить его переписку. Так, если обратиться к открытому письму Белинского к Гоголю из Зальцбрунна от 3(15) июля 1847 года, то обращает на себя внимание удивительное сходство, даже лексическая близость суждений Белинского и той поповой характерологии, которую предлагает поэт.

Из письма Белинского Гоголю: «Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадю, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? – Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно! По-Вашему, русский народ – самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: годится – молиться, не годится – горшки покрывать. Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами

цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними: живой пример Франция, где и теперь много искренних, фанатических католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, всё еще упорно стоят за какого-то бога. Русский народ не таков: мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме; и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже к духовенству; ибо несколько отдельных, исключительных личностей, отличавшихся тихой, холодной, аскетической созерцательностью – ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством. Его грех обвинить в религиозной нетерпимости и фанатизме; его скорее можно похвалить за образцовый индифферентизм в деле веры. Религиозность проявилась у нас только в раскольнических сектах, столь противоположных, по духу своему, массе народа и столь ничтожных перед нею числительно» [Белинский 1936].

В приведенной большой цитате много примечательного. Структурно-стилевая риторика Белинского – «Про кого русский народ рассказывает *похабную сказку?* <...> Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, *жеребцы?*» – очень напоминает повествовательную стратегию Некрасова и напрямую проецируется на нее. Ср.: «Кого вы называете / *Породой жеребьячьей?*» или «О ком слагаете / *Вы сказки балагурные, / И песни непристойные, / И всякую хулу?..*»

В комментариях к главе «Поп» исследователями-некрасоведами специально оговаривается то обстоятельство, что строка «Кому вдогон, как мерину, / Кричите: го-го-го?» была особенно важна для Некрасова. По наблюдениям текстологов, поэт переносил ее с одного листа рукописи на другой: «В главе “Поп” он <Некрасов> смягчил строки о бранно-пренебрежительной кличке, которой народ честит духовенство (“Кому вдогон, как мерину, Кричите: го-го-го?..”), хотя, *видимо, дорожил ими*, так как трижды вписывал их в рукопись, подыскивая подходящее место» [Некрасов 1982: 624–625; выд. нами. – О. Б., С. Н.]. Столь «дорогими» эти строки для Некрасова, несомненно, были потому, что для осведомленных современников они стали прямым указанием на Белинского, на апелляцию к его знаменитому гоголевскому письму.

В опоре на письмо Белинского и его характеристику священства можно еще образнее представить себе, каким был поп Некрасова в первой редакции поэмы. Попы «по Белинскому» действительно охарактеризованы как *бессовестные, не озабоченные крестьянскими нуждами, сетующими на упадок религиозного чувства*. И что не менее репрезентативно – вслед за Белинским некрасовский поп обращается к мотиву *раскольников*: «Потом статья... раскольники... / Не грешен, не жилися я / С раскольников ничем. / По счастью, нужды не было: / В моем приходе числится / Живущих в православии / Две трети прихожан. / А есть такие волости, / Где сплошь почти раскольники, / Так тут как быть попу?» [там же: 23]. Как помним, цитируемый Белинский не только поминает раскольников, но и указывает на их численную «ничтожность». Совпадения буквальные.

То есть без дополнительных текстологических изысканий можно с уверенностью констатировать, что Некрасов при создании образа попа, несомненно, опирался на ставшее легендарным письмо Белинского – в большей мере следуя ему в первой редакции главы, но сохраняя стилевую близость и во второй². Некрасов в данном случае, с одной стороны, эксплуатирует освоенную им еще в начале творческого пути стратегию подражания и следования чужой мысли (не случаен псевдоним, которым пользовался начинающий поэт, – Перепельский), с другой – поэт акцентированно подчеркивает солидарность и созвучие взглядам учителя-наставника. Другое дело, что ко времени начала работы над поэмой «Кому на Руси жить хорошо» Белинский уже ушел из жизни, и при создании второй редакции главы «Поп» Некрасов мог находиться под влиянием иных суждений и мнений авторитетных современников (на наш взгляд, речь должна идти не о самоцензуре, как полагают составители комментария к Собранию сочинений [см.: там же: 621, 624–625], но о влиянии кого-то из некрасовского окружения). И этим авторитетом в период работы над главой мог быть, прежде всего, *поповский сын* Н. А. Добролюбов, со второй половины 1850-х годов плотно сотрудничавший в некрасовской редакции, не по книгам знавший тяготы жизни духовенства и к тому моменту уже пользовавшийся уважением работодателя и единомышленника-

² На связь главы «Поп» с письмом Белинского указывал современник Некрасова Н. И. Барсов: «„Поп“ поэмы буквально повторяет те прозвища, какие, по словам критика, усвоит священнику народ» [Н. Б. 1874: 494].

издателя. Это только гипотеза – но как бы то ни было, образ попа был скорректирован поэтом и в характере героя были актуализированы более объективные (реалистичные) черты.

В целом получившийся «натуралистичным» (в духе «натуральной школы») образ попа у Некрасова в какой-то момент развития сюжетной линии насыщается избыточными чертами «демократа». Из стана условных противников крестьян («счастливец») герой-поп неожиданным образом оказывается в стане (почти) их союзников и исповедует убеждения далеко не поповские, не господские, не богаческие. Так, в комментариях к главе «Поп» исследователи приводят реплику героя-попа: «Так вот друзья любезные / Каков почет священнику / В крестьянстве. А помещики... / Да вы их сами знаете, / Что много толковать!» [там же: 264, выд. нами. – О. Б., С. Н.] – священник как будто бы выказывает осуждение помещикам. Поп оказывается едва ли не в положении угнетаемых крестьян – и ему милость господская достается «недешево».

Очевидно, что подобный демотический пафос объективно должен был быть чуждым речи священника. И в окончательном варианте эти строки о недовольстве попа помещиками Некрасовым изъяты, их место заняло сочувствие, которое герой выражает бывшему помещицкому укладу и всему строю поместной жизни: «Хоть часто крутонравные, / Однако доброхотные / <...> Ой холеные косточки / Российские, дворянские! / Где вы не позакопаны? / В какой земле вас нет?» [там же: 23].

Готовность Некрасова поменять *плюс* на *минус* (и наоборот) примечательна и любопытна – эта поэтическая легкость свидетельствует о том, что при создании образа героя поэт следовал не собственным прочным убеждениям, но потворствовал толпе или (как справедливо утверждает М. С. Макеев [Макеев 2017]) заботился о коммерческой успешности поэмы. Образ попа раз от раза меняет у Некрасова аксиологический ракурс, демонстрируя поверхностность «убеждений» поэта.

Подобно тому, как повествователь глазами героев-крестьян видит вокруг них только запустение и бедность, так и поп почти *бытийно* сокрушается по поводу неурожаев. Особенность его суждений такова, что (как и в представлении крестьян, созданных Некрасовым) какими бы ни были погода, земли, урожай, новые дома,

деревни – *всё плохо*. «Угоды наши скудные, / Пески, болота, мхи, / Скотинка ходит впроголодь, / Родится хлеб сам-друг, / А если и раздобрится / Сыра земля-кормилица, / Так *новая беда*: / Деваться с хлебом некуда! / Припрет нужда, продашь его / За сущую безделицу, / А там – неурожай! / Тогда плати втридорога, / Скотинку продавай» [Некрасов 1982: 24]. Как у крестьян из «Пролога» майские солнечные дни, полевые всходы, новые избы не вызывают отрадного чувства, так и в представлении некрасовского попа плох неурожай, но плох и избыток урожая.

Вывод.

Иными словами – герои Некрасова (и богатые, и бедные) видят окружающую их жизнь *однобоко*, сознательно нагнетая впечатления горя и нужды, которые должны неизменно (с точки зрения поэта-демократа, революционера-народника) сопровождать российское крестьянство. «Деревни наши бедные, / А в них крестьяне хворые / <...> / Господь прибавь им сил!» [Некрасов 1982: 24–25]. В итоге объективной эпической картины у Некрасова не возникает – субъективная тенденция доминирует. Ни рассказ попа, ни комментарии крестьян-странников не могут приблизить к ответу на вопрос «Кому живется весело, вольготно на Руси...»: поэт столь стремительно меняет аксиологию характеров, что в итоге исчезает глубина видения проблемы, намечается уход от ответа, эксплицируется философская «гибкость» в разрешении дилеммы. Эпический размах, замысленный поэтом при создании поэмы о народе, уже в Прологе и в первой главе «Поп» дискредитируется нарушением законов реалистического письма, ослабляется односторонностью авторской тенденции, нацеленностью на отчетливо социологизированный ракурс осмысления народной жизни. Как *неустойчивы* образы героев-крестьян (Вступление), так *гибок* и образ попа (глава «Поп») – подвижность аксиологических ракурсов эксплицирует (выдает) *вторичность* авторской (некрасовской) позиции, уход от реальных проблем действительной жизни, зависимость поэта от далеко не эпических интенций.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский, В. Г. Письмо к Гоголю, Москва 1936. URL: az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3890.shtml (08.12.2019).

- Евстигнеева, Л. А. *Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»* // Н. А. Некрасов и русская литература, Москва 1971.
- Кошелев, В. А. «Кому на Руси жить хорошо»: о великой поэме и вечной проблеме, Великий Новгород 1999.
- Красносельская, Ю. И. *Стоит ли искать «ключи от счастья»? (Об источниках и смыслах одного мотива у Некрасова и Салтыкова-Щедрина)*, «Карабиха: историко-литературный сборник», 2016, № 9, с. 127–139.
- Макеев, М. С. Николай Некрасов, Москва 2017.
- Н. Б. (Н. И. Барсов), *Мнения и отзывы нашей светской литературы о русском духовенстве*, «Христианское чтение», 1874, март, с. 494.
- Некрасов, Н. А. *Собрание сочинений: в 15 т., т. 5. Кому на Руси жить хорошо*, Ленинград 1982.
- Чехов, А. П. *Полное собр. соч.: в 30 т., т. 25. Письма 1897–1898*. Москва 1979, URL: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/default.asp?feb/chekhov/texts/che-te02.html> (08.12.2019).